

Изъ жизни степныхъ уѣздовъ Сыр- дарьинской области.

Зима 1879—1880 года въ степномъ, кочевомъ населеніи Туркестанскаго края надолго останется въ памяти.

Небывалое изобиліе снѣга, при сравнительно сильномъ холодѣ, застали кочевника врасплохъ. Недостатокъ запаса хлѣба для прокормленія семьи и камыша для корма скота повлекли за собою голодъ и безкормицу со всѣми ихъ ужасающими послѣдствіями.

Скотъ, въ особенности мелкій, какъ бараны и козы, началъ валиться большими табунами. Люди, едва защищенные отъ стужи дырявыми войлочными юртами, или-же глинобитными саклями (кстау), совершенно неприспособленными для теплаго жилья, да еще съ пустымъ желудкомъ—заболѣвали и умирали.

Такое ужасное бѣдствіе обрушилось главнымъ образомъ на кочевое населеніе Туркестанскаго, Перовскаго и частью Казалинскаго уѣздовъ. Который изъ первыхъ двухъ потерпѣлъ больше—сказать трудно; эти уѣзды, по благосостоянію кочеваго населенія, находятся почти въ одинаковыхъ условіяхъ.

Принятыми къ отвращенію этой бѣды мѣрами были достигнуты весьма слабые результаты. Такое бѣдствіе обыкновенно требуетъ весьма быстрой и существенной помощи; а что можно сдѣлать, когда площади этихъ уѣз-

довъ, въ особенности Перовскаго, на столько велики, что извѣстіе къ административному пункту можетъ достигнуть изъ отдаленныхъ волостей не раньше 3—4-хъ дней? Между тѣмъ голодъ не ждетъ!

А тутъ еще нужно время, чтобъ сдѣлать какое либо распоряженіе—пройдетъ минимумъ еще 3—4 дня и то уже невѣроятно скоро; этихъ-же 6—8 дней даже съ избыткомъ достаточно для того, чтобъ голодающее населеніе убавилось на значительный процентъ.

Какими-же средствами располагаетъ уѣздная администрація на случай такихъ бѣд-

ствий? .. Весьма слабыми, или лучше сказать—никакими! Деньгами—ихъ можно расходовать лишь съ разрѣшенія высшей власти. Хлѣбомъ—запасовъ его нѣтъ... Вотъ и летятъ телеграммы съ просьбами о разрѣшеніи расходовъ на покупку хлѣба или на выдачу денежныхъ пособій. Пока тамъ что еще будетъ, когда послѣдуетъ разрѣшеніе, будетъ закупленъ хлѣбъ, разошлетъ пуждающимся, это, по русской пословицѣ: „Улита ѣдетъ, да когда-то будетъ“! А народъ отъ голода пухнетъ и мретъ...

Въ эту злополучную зиму принимались всевозможными мѣры. Напримѣръ, забирался у богатыхъ туземцевъ хлѣбъ, по установленнымъ

цѣнамъ, раздавался нуждающимся; раздавалась также и денежные пособія... Что-же было достигнуто этими мѣрами? Казалось, бѣдствіе было отвращено, а въ дѣйствительности оно пріутихло само собою лишь съ наступленіемъ теплаго времени, когда оголенный, зачахшій отъ голода кочевникъ имѣлъ возможность бросить свое гнѣздо и поплестись въ сосѣднія волости, какъ голодный волкъ, отыскивая себѣ пропитаніе.

Въ Перовскомъ уѣздѣ наприимѣръ: начальникъ его подполковникъ В. И. К-нъ вошелъ въ соглашеніе съ богатымъ киргизомъ, помочъ населенію хлѣбомъ, который-бы тотъ закупалъ, съ придачею въ помощь казенной субсидіи и съ условіемъ выдавать киргизамъ муку по закупнымъ цѣнамъ, съ надбавкою лишь процента, употребленнаго на расходы по перевозкѣ, или-же, если того пожелаютъ киргизы—подъ будущій урожай.

На-скоро были отправлены приказчики киргиза въ Чиназъ, для закупки хлѣба, а для скорѣйшаго доставленія его въ уѣздъ, подполковникомъ К. испрошена была экстренная командировка одного изъ пароходовъ существовавшей еще тогда Аральской флотиліи. До прихода этой помощи К., имѣющимися подъ рукою средствами, надѣялся поддержать существованіе бѣдствующихъ.

И что-же изъ этого вышло? Киргизъ дѣло свое сдѣлалъ добросовѣстно; закупилъ въ Чиназѣ до 5/т. пудовъ разнаго рода хлѣба, сложилъ его на берегу Сыра, въ ожиданіи парохода и тѣмъ дѣло пока окончилось. Командированный для этой цѣли пароходъ „Ташкентъ“ тотчасъ-же двинулся къ Чиназу, какъ только вскрылась Сыръ-дарья.

Сидитъ киргизъ съ хлѣбомъ и ждетъ; получилъ свѣдѣнія, что пароходъ давно уже въ пути, а все дожидаться его не можетъ.

Недѣлю ждетъ и мѣсяцъ ждетъ, а парохода нѣтъ, какъ нѣтъ! Посоветовали ему ѣхать въ Ташкентъ, просить начальство разрѣшить сплавить купленный хлѣбъ внизъ по рѣкѣ, на баркасахъ, стоявшихъ безъ всякаго употребленія въ Чиназѣ. Разрѣшеніе получено. Нагрузились баркасы, вмѣстили весь хлѣбъ и двинулись наконецъ. Нанятые рабочіе-киргизы, не видавшіе никогда такой посуды и не имѣя понятія объ управленіи ею, на волю Божию закружились по теченію. Плынутъ квадратные баркасы, кружась какъ блюдце въ ведрѣ воды, то однимъ, то другимъ бокомъ налетая на обрывистые берега, а то и на мель.

Сѣлъ барказъ на мель, влѣзли въ воду киргизы (а ихъ всего-то человѣкъ пять на грузъ въ 2—2½ т. пудовъ), качаютъ посудину изъ стороны въ сторону, а она все ни съ мѣста! Умучатся до изнеможенія и въ сознаніи полной своей безпомощности усядутся на мѣшки съ хлѣбомъ, думая думу крѣпкую: какъ помочь горю? А Сыръ быстрымъ теченіемъ къ засѣвшему баркасу прибавляетъ, да прибавляетъ илу. Вотъ иломъ уже бортъ затягиваетъ и съ ужасомъ ждутъ киргизы: что-то будетъ? Народъ-бы собрать, да на берегахъ ни одной юрты не видно. А Сыръ дѣлаетъ свое дѣло. Со стороны теченія барказъ затягиваетъ иломъ, а съ противной стороны тѣмъ-же теченіемъ вырываетъ илъ изъ подъ баркаса. Замѣтно баркасъ накренивается по теченію... Вотъ его какъ будто раскачиваетъ и поворачиваетъ на одномъ мѣстѣ.. Вотъ онъ задвигался; сначала тихо, почти даже и незамѣтно, дальше скорѣе и скорѣе... А вотъ совсѣмъ пошелъ, на струю направляется... Обрадовались рабочіе! Снова въ воду повскакали и поплыли, держась ру-

ками за борты, будто теченію помогаютъ.

Наконецъ успокоились—Слава Аллаху—плынутъ. А пока Сыръ посадилъ злополучный баркасъ на мель и самъ-же смылъ эту мель, насадивши рядомъ другую, прошло сутки, а то и больше.

Какъ только не пошли ко дну эти баркасы—одному Аллаху извѣстно!

И вотъ такимъ-то образомъ доплелись баркасы до Перовскаго уѣзда ровно въ мѣсяцъ.

Хотя и много запоздала эта помощь, а все-таки многимъ еще дала она жить. А гдѣ-же экстренно командированный пароходъ „Ташкентъ“? Да все еще въ пути... На пути онъ засталъ перекочевку киргизъ, которымъ потребовалось переправлять свой скарбъ и скотъ съ одного берега на другой. Вотъ этой-то перевозкой и занялся экипажъ парохода, благо дѣло-то было не безвыгодное. А то и такъ случалось: на полпути до станціи не хватаетъ дровъ. Пароходъ мирно причаливаетъ къ берегу, человѣкъ восемь экипажа на шлюпкѣ поднимаются вверхъ по теченію, къ мѣсту, гдѣ складъ дровъ, набираютъ ихъ и возвращаются къ пароходу. Такая операція, глядишь и отняла сутки плаванія, тѣмъ болѣе, что посланные не особенно-то торопятся, да и не легко пройти на веслахъ верстъ 15—20 вверхъ по теченію, скорость котораго до 4½ верстъ въ часъ. Возобновивъ запасъ дровъ, пароходъ двинется въ путь, глядь, а тамъ опять дровъ не хватаетъ! Опять причаливай, опять посылай за дровами. И такъ, пока дойдутъ до станціи, раза два или три нужно возобновлять запасъ топлива. Смотришь, сутокъ трое-четверо прошло, а пароходъ какъ будто и съ мѣста не сходилъ!..

А то и такъ бывало: вдругъ машина парохода не можетъ осилить быстроты теченія и пароходъ потянетъ назадъ; экипажъ становится въ лямки и тянетъ бичевою пароходъ, а за нимъ и баржу.

Такими-то способами пароходъ „Ташкентъ“ наконецъ достигъ цѣли своего плаванія, Чиназа, едва-ли не на 70-й день своего плаванія...

Но такъ или иначе, а Перовскому уѣзду помощь все-таки была подана.

Привезенную на баркасахъ муку многіе раз-

бирали подъ будущій урожай, а многіе и на деньги, и пудъ обошелся имъ въ 1 р. 30 к. и 1 р. 40 к. Это значительно дешевле, чѣмъ по базарной цѣнѣ, которая почти до сентября въ Перовскѣ колебалась между 3 и 4 р. за пудъ. И вотъ остался несчастный киргизъ послѣ этой зимы безъ скота, безъ одежды и даже безъ крова.

Думалъ народъ справиться съ бѣдой. На кочевку идти—скота нѣтъ; сбились кое-какъ, развели пашни, кто сколько могъ.

Но увы! Пословица справедлива: „человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ“. или „бѣда бѣду родитъ“. И урожай обѣщаль быть хорошимъ, да откуда ни возмись саранча—истребила почти все до тла; что и было засѣяно, такъ даже семена собрать не удалось. Вотъ эти-то несчастія совсѣмъ обоздолили киргизъ. Ни скота, ни хлѣба!... Въ привозѣ тоже ничего.

Слава Богу, просо выручило. На потравленныхъ саранчею пашняхъ просо засѣяли. Не даромъ существуетъ между кочевниками легенда: „много, много лѣтъ тому назадъ, собирались однажды старики, по обычаю народному, подумать думу великую, посоветоваться: какъ зиму проводить, какъ скотъ сохранить на случай безкормицы, какъ самимъ пропитаться...

Сидятъ старики кружкомъ между юртами, бесѣду ведутъ, а мимо ихъ бабы снопы проса таскаютъ для обмолота. По дорогѣ, гдѣ снопы таскали, много колосьевъ осталось; никто изъ сидящихъ и вниманія не обратилъ на это: мало-ли колосьевъ теряется, когда снопы таскаютъ!.. Одинъ только изъ сидящихъ, и самый бѣдный, выбралъ изъ разбросанныхъ колосьевъ два самыхъ полныхъ и и хорошихъ колоса и говоритъ: „эхъ, правовѣрные, что ни придумывай, что ни предполагай—на все воля Аллаха! Воля его неисповѣдима; если надо помочь бѣдняку, такъ онъ, по милосердію своему, вотъ изъ этихъ двухъ колосьевъ ему богатство воздвигнетъ“...

Улыбнулись окружающіе и никто ни слова. А старикъ опять говоритъ: „я истинный мусульманинъ, во всю жизнь не отступалъ отъ указаній корана; если захочетъ Аллахъ, черезъ три посѣва, вотъ отъ этихъ ничтож-

ныхъ колосьевъ онъ можетъ сдѣлать меня богачемъ!“ Тщательно обмилъ онъ тутъ-же колосья, собралъ зерна и завернулъ въ бѣлье (опояску).

Весной, когда пришло время посѣва, разрыхлилъ онъ у своей юрты землю и посѣялъ тѣ зерна проса.

Народъ смотритъ съ сожалѣніемъ, покачиваетъ головой. „Плохо старику—изъ ума выживаетъ!“

Во время роста берегъ правовѣрный свою микроскопическую пашню больше глаза и ухаживалъ за нею, на сколько было его силъ и умѣнья. Наступило время жатвы и собралъ онъ отъ двухъ колосковъ двѣ тюбетейки (ермолка) проса. Народъ видитъ и посмѣивается: „чудакъ-де человѣкъ, изъ чего хлопочетъ!“ Опять прошла зима, наступило время новаго посѣва. Для двухъ тюбетеекъ проса потребовалось разрыхлить земли много больше, чѣмъ для двухъ колосьевъ. Все это сдѣлалъ правовѣрный.

Снялъ онъ съ этой пашни проса „ики кашъ“ (два капа). Смотритъ народъ и ужъ не смѣется. Пожалуй старикъ-то вовсе съ ума не сходилъ.

На третій посѣвъ потребовалось для двухъ каповъ сѣмянъ обработать настоящую и большую пашню. Снова все было сдѣлано, чего самъ не могъ—сосѣди помогли. Просо засѣяно. Уродилъ Богъ просо на диво всѣмъ! Хорошій такой колосъ, полный, верхушки съ зерномъ такъ къ землѣ и клонятся. Пришла пора снимать, и вотъ старикъ, три лѣта тому назадъ бѣднякъ, пробивавшійся въ проголодь между сосѣдами, снялъ съ своего поля четыреста каповъ проса. И все это отъ двухъ ничтожныхъ колосковъ! А съ этими четырьмястами мѣшковъ и бѣдности какъ не бывало!

Вотъ и припомнили перовскіе киргизы эту легенду. Засѣяли просо. Урожай удался хорошій, и просомъ пробились они зиму; хотя и не особенно сытно, зато, слава Аллаху—не пухли отъ голода. Такимъ образомъ зима 1881 года прошла благополучно, хотя очень многіе подумывали о новомъ голодѣ. Хорошо, что киргизъ обошелся просомъ и припасъ что могъ для корма скота. А было-

ли что нибудь сдѣлано уѣздной администраціей къ отвращенію или хотя къ предупрежденію повторенія бѣдствій? Да ничего!.. А вѣдь не мѣшало-бы подумать, какъ избавить этотъ несчастный народъ отъ голодныхъ отековъ!

Кто изъ близкихъ къ кочевнику административныхъ лицъ знакомъ съ бытомъ его? Кто изучилъ его нужды?

Большинство тѣхъ, кому это вѣдать надлежитъ, представляетъ себѣ киргиза дикаремъ, барантачемъ, крайне неуживчивымъ человекомъ, кляузникомъ, вѣчно недовольнымъ и пр. Думаютъ, что управлять киргизами вообще не трудно; полагаютъ, что обязанности администраціи заключаются лишь въ томъ, чтобъ карать за неповинованіе властямъ, предержащимъ, да собирать подати въ размѣрѣ положенномъ. Что-же касается того, чтобъ входить въ обсужденіе вопроса: можетъ ли иной киргизъ внести подать, совсѣмъ даже не полагается. Есть у насъ волостные управители, они обязаны собрать подать; а какъ они это дѣлаютъ, кому какое дѣло, лишь-бы безнедоимочно. А отъ этого на практикѣ и выходитъ: кто имѣетъ сто головъ разнаго скота, платитъ также до 8 р. съ кибитки, какъ и тотъ, у котораго одна лошадь и отеки отъ голодухи.

Весьма легкія обязанности! Главное, не выходитъ изъ рамки проекта положенія!..

Что мы сдѣлали для кочевника за 30 лѣтъ нашего господства надъ степями? Позаботились-ли мы о его благосостояніи? Помогали ему къ улучшенію его быта? Вотъ открытые вопросы... Намъ говорятъ: „ничего и не сдѣлаешь; мусульманская религія, замкнутость, фанатизмъ не воспріимчивы ни къ какому прогрессу“..

Да, съ сартами это еще можно допустить; а съ киргизами, кто знаетъ ихъ, тотъ можетъ быть убѣжденъ, что это пустыя фразы. Киргизъ ко всему воспріимчивъ, но трусъ и недовѣрчивъ.

Да вотъ вамъ: вы гдѣ нибудь въ аулѣ видите, что весь степной народъ ходитъ какой-то покурый, пришибленный. Удивляетесь: чего не достаетъ этому народу? Податями его не гнетутъ, другихъ повинностей онъ не несетъ... Спросите: что это значитъ? Никто

вамъ опредѣленно не объяснитъ, что вызвало такую пришибленность. Да и народъ видимо самъ не можетъ ясно опредѣлить причины этого. Такъ, въ воздухѣ тяжесть какая-то...

Съ сожалѣніемъ вспоминаютъ киргизы о родовыхъ правителяхъ, и говорятъ: „баре штатъ джейганъ“, т. е. „все штаты съѣли.“ Этими словами киргизы называютъ проектъ положенія 1867 года, которымъ упразднено родовое правленіе и введено выборное начало, а съ тѣмъ вмѣстѣ положено начало дѣленія на волости. Это дѣлѣніе народа имѣло цѣлью разъединить киргизскіе роды и подчинить волость не главѣ рода, а выборному изъ среды народа лицу. Конечно, не намъ говорить, что либо противъ этой системы!.. Такъ или иначе—дѣло сдѣлано. Учреждены уѣзды, раздѣлены на волости; волости образовались изъ разныхъ родовъ; управленіе волостью подчинено выборному отъ рода управителю. Однимъ словомъ—машина пущена въ ходъ.

Но существующій проектъ положенія допустилъ переходъ киргизъ изъ волости въ волость, по общественнымъ приговорамъ съ обоихъ сторонъ, т. е. одни опускаютъ, другіе принимаютъ. Административныя лица, не видя причинъ къ удержанію киргизъ въ извѣстныхъ волостяхъ, свободно перечисляли ихъ куда тѣ просили. Пришло-ли кому въ голову: какая причина заставляетъ киргизъ перечисляться почти цѣлыми аулами? Что-же мы видимъ теперь? Остались-ли разрозненными роды? Въ томъ-то и дѣло, что нѣтъ!.. Всѣ эти перечисленія и вели только къ тому, что киргизы постарались по возможности сплотиться снова по родамъ. Теперь выборное начало... Чего мы достигли имъ? Сначала выборъ народа падалъ на старшихъ родовичей, потомъ стали выбирать людей богатыхъ. Образовались партіи, подкупъ, ссоры и драки... И все это тяжестью своей легло на того-же, ни въ чемъ неповиннаго киргиза!... Всякій богачъ, властолюбецъ, передъ выборами бросаетъ деньги на подкупы, на кормленіе своей партіи, не жалѣя затратъ, стараясь лишь какъ можно больше народа привлечь на свою сторону... Выбра-

ли наконецъ!... Надо-же ему и возмѣстять свои затраты. Вотъ онъ и начинаетъ тянуть и съ праваго, и съ виноватаго... Обыкновенно въ такихъ случаяхъ терпитъ противная сторона. Начинаются жалобы, распри народа со своимъ волостнымъ управителемъ. Одинъ попадаетъ, его замѣняютъ новымъ; другой ловко обдѣлываетъ дѣлишки и всѣ народныя жалобы ни къ чему не ведутъ.

Вотъ и является убѣжденіе о киргизскихъ клиузахъ, о вѣчно недовольныхъ, видимо незнающихъ, что имъ нужно. Вотъ тутъ и ладъ съ народомъ уѣздная администрація!

Теперь: пало ли родовое значеніе?

У вотъ посмотрите: вы членъ уѣздной администраціи, отпразднуйте въ степь по какому нибудь дѣлу. По приѣздѣ въ аулъ, располагаетесь въ выставленной для вашего помѣщенія кибиткѣ. Васъ окружаетъ толпа всякаго народа. Есть тутъ и волостной управитель, и аульскій староста, аульскій бій, и другіе,—все такъ называемый почетный народъ. Если вы не звѣремъ смотрите и человѣкъ разговорчивый, за вами всѣ лезутъ въ вашу юрту. Вы предлагаете сѣсть; садятся. Видите вы, что волостной управитель садится отъ васъ на лѣво, уступая мѣсто выше себя, т. е. ближе къ вамъ, другимъ лицамъ, не принадлежащимъ даже къ волостной администраціи. Если вы человѣкъ новый, не знакомый съ народными обычаями, вы конечно не обратите никакого вниманія на такое размѣщеніе. А если вы замѣтите это и спросите: почему волостной управитель уступаетъ мѣсто другимъ, нерѣдко садясь самъ у входа, вамъ отвѣтятъ, что онъ младшій, въ смыслѣ родового старшинства. Случится какой нибудь совѣтъ общества, «маслягать» — роловичъ первый проводитъ мысль. Вотъ вамъ и выборное правленіе! До сихъ поръ еще осталось въ обычай и твердо держится почтеніе къ старшему въ родѣ. Въ случаѣ поминокъ по умершемъ, устраивается «асъ», что одинаково по значенію съ нашимъ помпальнымъ обѣдомъ. И если старшій въ родѣ покойника не находится въ томъ-же аулѣ, гдѣ устраивается «асъ», то родные считаютъ своею священною обязанностью послать асъ и подарокъ старшему своему, въ его аулъ.

Какая-же разница между родовымъ правителемъ и выборнымъ отъ народа? Намъ скажутъ, что родовой правитель безнаказанно грабилъ народъ, который, производя его отъ «акъ-суикъ», т. е. бѣлой кости, по обычаю, не могъ даже судиться съ нимъ; онъ пользовался своимъ широкимъ правомъ управлять родомъ самостоятельно; что дѣлалось въ степи,—уѣздная администрація не знала, чѣмъ умалалось значеніе русской власти, и т. д... Правда, родовой правитель грабилъ, а выбранный народомъ управитель развѣ не грабитъ? По обычаю киргизъ, всякій бѣднякъ, не имѣющій чѣмъ питаться, переходитъ на кормежку къ правителю и тотъ не въ правѣ отказать ему въ этомъ. И такимъ образомъ за ставкою правителя обыкновенно таскался хвостъ, юртъ въ двѣсти; каждый считалъ себя джигитомъ правителя или пастухомъ его стадъ и кормился, со всею семьей, на средства правителя. То-ли же самое и при выборномъ управителѣ? Конечно нѣтъ! Первый грабилъ богатыхъ и кормилъ бѣдныхъ, а этотъ грабитъ и богатыхъ, и бѣдныхъ и ѣстъ только самъ одинъ. Который-же лучше? Правда, что я употребилъ здѣсь слово „грабить“ очень сильно. Его можно замѣнить другимъ, болѣе подходящимъ, именно: „урвать“; но какъ урывали правители, такъ урываютъ и управители.

Волостной управитель тоже управляетъ волостью болѣе или менѣе самостоятельно; это вполне зависитъ отъ его ловкости и ума. Какъ при правителяхъ, мы не знали, что дѣлается въ степи, то-же самое и при управителяхъ. Мы очень далеко стоимъ отъ народа, чтобъ знать его и степь.

Теперь возвратимся къ прежнему. Намъ скажутъ, пожалуй, что мы неправы, упустивъ изъ вида, что для поддержанія народнаго благосостоянія, ему даны возможные средства, а именно: въ нѣкоторыхъ уѣздахъ дешевый кредитъ, а въ одномъ, такъ кромѣ того, еще съ 1871 года учреждены въ нѣкоторыхъ волостяхъ запасныя хлѣбныя магазины, и т. д.

Знаемъ; дѣйствительно, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ учреждены ссудныя кассы. Посмотримъ, достигаютъ-ли онѣ, эти кассы, намѣченныхъ имъ цѣлей? Конечно, скажутъ, что достигаютъ: деньги всегда въ расходѣ.

Да правда-ли, что кассы служатъ дѣйстви- тельно къ вспомоствованію бѣднякамъ? Во многихъ случаяхъ извѣстно совершенно противное. Извѣстно напримѣръ, что деньги изъ кассъ получаютъ волостные управители, бѣи и богатые люди, а бѣдняку иногда быва- етъ совсѣмъ невозможно добиться ссуды. Прав- да, правилами оговорено, напр., что ссуда вы- дается только на годъ и суммою до 50 р.; вы дѣйствительно видите, что деньги по 50 р. выданы такимъ-то и такимъ-то. Между тѣмъ дѣлается это такъ: являютъ близкіе и род- ные волостнаго управителя, бѣевъ и богатыхъ людей, заранѣе подготовленные своими па- тронами, получаютъ ссуды на свое имя и та- кимъ образомъ волостные управители и дру- гія лица негласно пользуются ссудами по 500, 600 р. и болѣе, а главное, что все это люди вовсе не нуждающіеся. А бѣднякъ, за неимѣ- ніемъ въ кассѣ денегъ, никакъ не добьется ссуды.

Теперь взносы. Лица, получившія ссуды, по наступленіи сроковъ или вносятъ одни лишь проценты, оставляя у себя капиталъ, или-же вносятъ и самый капиталъ, но тутъ- же обращаются съ просьбою о ссудѣ: имъ выдаются ссуды вновь.

Капиталами кассъ обыкновенно завѣдыва- ютъ или помощники уѣздныхъ начальниковъ, или же писмоводители, получаю за веденіе отчетности $\frac{1}{8}$ процентной прибыли.

Это вознагражденіе въ Перовскомъ уѣздѣ напр. достигаетъ до 1200 р., слѣдовательно, какаа же надобность завѣдывающему такою кассою поднимать вопросы и слѣдить за пра- вильностью выдачи ссудъ по отношенію къ бѣднякамъ или слѣдить заправилами, дости- гають-ли онѣ той высокой цѣли, которая имѣ- лась въ виду? Ему главнымъ образомъ нужно, чтобъ капиталъ не лежалъ, чтобъ проценты нарастали, а будетъ-ли эти проценты платить богачъ или бѣднякъ, получить-ли ссуду тотъ или другой—ему какое дѣло! Ему нужно по- лучить $\frac{1}{8}$ процентной прибыли и больше ничего.

А чѣмъ болѣе деньги въ оборотѣ, тѣмъ больше и эта треть.

Въ Казалинскомъ уѣздѣ, тамъ всѣ эти распорядители еще лучше сдѣлали: роздали деньги кому и какъ попало, книги сложили

и успокоились. Назначена была цѣлая ком- исія для приведенія отчетности въ поряд- окъ. Сдѣлала кое-что, составила списки дол- жникамъ, да что-то плохо идутъ платежи. Хорошо еще, что народъ созналъ полезность такого учрежденія и по общественнымъ при- говорамъ собралъ деньги на восстановленіе ссудной кассы, съ тѣмъ, чтобы все таки съ должниковъ, по возможности, собрать деньги впослѣдствіи, и внести ихъ по назначенію; а пока-де не ждать-же этихъ грошей... Надо полагать, что тутъ не обошлось безъ совѣ- товъ со стороны администраціи...

Во всякомъ случаѣ, дѣло это безспорно по- лезное; ну, и дай Богъ ему успѣха!

А во избѣжаніе на будущее время непра- вильныхъ выдачъ, ведущихъ обыкновенно толь- ко къ увеличенію процентной прибыли, не лучше-ли было-бы, если во всѣхъ уѣздахъ, гдѣ существуютъ кассы, ввести выдачу воз- награжденія за веденіе отчетности одной оп- редѣленной цифрой для всѣхъ?

Вѣдь и по здравому-то разсужденію дѣй- ствительно выходитъ несообразность. Такъ, въ Перовскомъ уѣздѣ вознагражденіе изъ про- центной прибыли возрасло въ настоящее вре- мя до 1200 р., въ Казалинскомъ до 400 р., а въ Кураминскомъ кажется немного боль- ше 200 р.; отчетность-же вездѣ одинакова, разница лишь въ количествѣ единицъ, полу- чающихъ ссуду.

Затѣмъ самыя правила о выдачѣ ссудъ: извѣстно, что въ 1884 г. были выработаны новыя правила, которыя, для единообразія, предполагалось ввести во всѣхъ уѣздахъ, гдѣ существуютъ кассы. Правила эти передѣланы изъ существовавшихъ, сообразно съ замѣчен- ными на практикѣ недостатками; но и они едва-ли окажутся достаточно обработанными.

А чтобъ завѣдывающихъ кассами пріохо- тить къ достиженію лишь правильности вы- дачъ, наблюденію за недостатками правилъ и къ улучшенію ихъ, я думаю необходимо отнять у нихъ стремленіе къ увеличенію толь- ко одной процентной прибыли.

Уѣздъ у насъ не одинъ. Въ одномъ ничего не сдѣлають, въ другомъ попробуютъ, а не въ дру- гомъ, такъ въ слѣдующемъ. Если даже сдѣ- лають это не изъ желанія добра и не по убѣжденію, такъ по крайнѣй мѣрѣ изъ же-

ланія заслуги, добраго слова начальства; и за это спасибо; такъ или иначе, лишь-бы достигнуть цѣли.

Теперь запасные хлѣбные магазины.

Такіе магазины, сколько извѣстно, существуютъ лишь въ одномъ Казалинскомъ уѣздѣ. Образовались они съ 1871 года. О дѣятельности ихъ мало что можно сказать утѣшительнаго.

Инициатива администраціи въ основаніи сама по себѣ прекрасна и благодѣтельна. Но администрація озаботилась только лишь оспованіемъ этихъ магазиновъ; она не научила киргизъ, незнакомыхъ съ такими дѣлами вообще, какъ относиться къ такому запасному хлѣбному магазину.

Киргизъ понялъ одно: что можно хлѣбъ брать въ долгъ и въ тотъ-же годъ или на другой хлѣбъ былъ разобранъ. Кѣмъ-же? Да все людьми состоятельными по большей части, преимущественно почетными людьми, бѣями и другими чиновными лицами; а бѣднякъ, для котораго магазины въ сущности и были учреждены, опять остался не причемъ.

Завѣдывавшіе магазинами назначенные уѣзднымъ начальникомъ, нѣкоторые по лоскуткамъ бумажки, а нѣкоторые просто на память, изъ года въ годъ считали въ долгу выданный хлѣбъ, присчитывая лишь ежегодный приростъ въ видѣ процентовъ, не помышляя даже никогда о сборѣ этого хлѣба. За тринадцать лѣтъ существованія магазиновъ времени отъ времени назначались даже комисіи для проверки. Комисіи въ лицѣ единственнаго бывшаго младшаго помощника, за все время три раза проверяла хлѣбъ.

Въ уѣздное управленіе даже представлялись вѣдомости наличнаго хлѣба. Однимъ словомъ, дѣло процвѣтало, а вѣдомости подшивались къ дѣлу „о запасныхъ хлѣбныхъ магазинахъ“ не переведенными съ туземнаго языка. Мнѣ самому случалось кое-кого спрашивать: принесли ли эти магазины какую-нибудь пользу въ памятный киргизу „куянъ джилъ“, т. е. въ 1879—1880 года; говорятъ, „какъ-же, едва-ли даже благодаря только этимъ магазинамъ и голодовку-то удалось парализовать“.

Такъ до осени 1884 года и были всѣ увѣрены, что по запаснымъ хлѣбнымъ магазинамъ идетъ живое дѣло.

Между тѣмъ на самомъ дѣлѣ вовсе не то было. При ревизіи Военнымъ губернаторомъ Казалинскаго уѣзда зашелъ вопросъ между прочимъ и о магазинахъ. Н. И. Гродековъ усумнился въ существованіи ихъ и рѣшилъ послать своихъ чиновниковъ для проверки. Пришлось и самой уѣздной администраціи подумать: „а и въ самомъ дѣлѣ: существуютъ-ли эти магазины?“ Начались экстренныя справки: гдѣ, что и въ какомъ положеніи... ну, и пришлось убѣдиться въ горькой истинѣ, что хлѣбныхъ магазиновъ въ дѣйствительности вовсе нѣтъ.

Теперь, надо полагать, магазины будутъ существовать. Принимы энергическія мѣры къ пополненію хлѣба. Дай Богъ. Дѣло безспорное хорошее, да надо позаботиться научить киргиза, какъ относиться къ общественному достоянію и какъ извлекать изъ этого пользу не въ ущербъ собратьямъ.

Это составляетъ одну изъ теперешнихъ задачъ уѣздной администраціи.

Е. Александровъ.

И з ъ К в е т т ы .

(извлеченіе изъ газ. Pioneer.)

Расположенные въ Кветтѣ гарнизоны наконецъ смѣнились и мы начинаемъ знакомиться другъ съ другомъ. Въ послѣднемъ письмѣ моемъ я сообщилъ, что сюда прибылъ 17-й сѣверо-индійскій полкъ, а 2-й сѣверо-индійскій полкъ, къ величайшей радости его, отправился на новую стоянку, въ Ахметабадъ. Первый эшелонъ сѣвернаго-ланкаширскаго полка, который выѣстъ съ 7-мъ сѣверо индійскимъ выжидалъ въ Сиби хорошую погоду, чтобы выступить, также прибылъ. Онъ выступилъ въ среду, на первой недѣлѣ великаго поста и соединился съ главнымъ корпусомъ сѣвернаго - ланкаширскаго и 17-мъ и 26 сѣверными индійскими полками. При передвиженіяхъ по Болапу, всѣ отряды избѣгали Дарваза. Въместо того, чтобы двинуться, какъ обыкновенно, изъ Дозана на Дарвазъ, а изъ Дарваза въ Сиръ-и-абъ, они пошли изъ Дозана, прямо къ Сиръ-и-абу, находящемуся въ разстояніи 25 миль.

Жанкентъ

(Жангитъ-кентъ).

Въ то время, когда я собиралъ свѣдѣнія о древнихъ памятникахъ, сохранившихся донынѣ въ степи Казалинскаго уѣзда, въ особенности по Куванъ-дарьѣ, древнему рукаву, которымъ Сыръ впадалъ въ Аральское море, киргизы указывали мнѣ на развалины Жанкента, (*) какъ на мѣсто, болѣе другихъ сохранившее памятную легенду.

Посѣтивъ степь недалеко отъ Жанкента, я воспользовался случаемъ посѣтить и этотъ древній, разрушенный городъ и на мѣстѣ собрать всѣ сказанія о немъ, которыя ходятъ въ народѣ.

„Жанкентъ“ или правильнѣе: „Жангитъ-кентъ“ лежитъ на лѣвомъ берегу Сыра, въ 16—18 верстахъ ниже Казалинска. Развалины когда-то высокой стѣны, расположенной продолговатымъ четырехугольникомъ, указываютъ на слѣды бывшей крѣпости. Стѣна насыпная, значительной ширины; снаружи сохранившійся глубокий ровъ окружаетъ стѣну. Внутренняя площадь крѣпости представляется волнистою, значительно возвышающеюся надъ уровнемъ окружающей мѣстности.

Хотя киргизы и увѣряютъ, что въ крѣпости не было построекъ, но надо полагать, что высокая площадь внутри крѣпости именно и образовалась вслѣдствіе развалинъ находившихся въ ней строеній; временемъ и дождями, обмывавшими крѣпостной валъ, внутренняя площадь выполнялась наноснымъ иломъ, сгладившимъ возвышенія, которыя-бы указывали на разрушившіяся зданія.

Вправо отъ крѣпости, по направленію къ берегу Сыра, идутъ развалины весьма обширнаго, древняго города, который киргизы называютъ: „Минь-тюбе“ и „Минь-кала“. Это названіе, означающее: „тысяча-холмовъ“ и „тысяча-домовъ“, несомнѣнно подтверждаетъ его обширные размѣры.

(*) Называютъ также иныя Лиги-кентъ, т. е. новый городъ. *Ред.*

Дѣйствительно, обширная равнина, усыпанная холмами, представляетъ ни что другое, какъ слѣды разрушеннаго города, покрытаго слоемъ земли. Взявъ рабочихъ изъ сосѣднихъ ауловъ, кочующихъ тутъ киргизъ, я выбралъ на-удачу мѣсто для раскопокъ вблизи одного изъ болѣе возвышенныхъ холмовъ. Первый слой сброшенной земли обнаружилъ жженный кирпичъ двухъ видовъ: одинъ совершенно квадратный, другой четырехъ угольный, продолговатый, какъ и нынѣ существующій. Кирпичи имѣли видъ сѣроватый. На глубинѣ трехъ четвертей показался плоскій изразцовый камень, величиною въ полторы четверти въ каждой сторонѣ. Рисунокъ изразца представлялъ собою фигуру переплета. Изразецъ лежалъ не на кирпичѣ, а на плоской, глиняной глыбѣ, видимо составляя когда-то орнаментъ стѣны или другой части какого либо зданія. Откопанная изразцовая глыба при выемкѣ рассыпалась на мелкіе куски, какъ раздавленная вѣроятно раньше при первоначальномъ разрушеніи города. Изразецъ былъ свѣтло-зеленаго цвѣта. Тутъ-же, между обломками кирпичей, было найдено еще нѣсколько кусковъ изразца, не представляющихъ собою цѣлаго рисунка, покрытыхъ такою-же изразцовой массою, темно-голубаго цвѣта; этотъ изразецъ по виду былъ много лучше перваго и изломъ его представлялъ совершенно изломъ тонкаго стекла, просвѣчивающаго на солнцѣ.

Множество разрытыхъ холмовъ съ разбросанными повсюду осколками жженаго кирпича, достаточно свидѣтельствуютъ о даровой добычѣ. Сосѣдніе киргизы и жители г. Казалинска занимаются здѣсь добываніемъ жженаго кирпича, который съ успѣхомъ идетъ на устройство въ домахъ половъ и на фундаменты.

По собраннымъ мною свѣдѣніямъ, мнѣ не удалось узнать: добывались-ли при раскопкахъ какіе либо металлическіе предметы или глиняные сосуды? Всѣ указывали лишь на куски изразца, вырытаго въ большомъ количествѣ, но не представляющаго отдѣльныхъ предметовъ.

За неимѣніемъ времени, мнѣ не удалось повторить раскопку.

Мѣстные жители-киргизы между прочимъ

передали мнѣ, что на берегу Сыра есть большое, разрушившееся зданіе, у котораго нѣкоторыя части до сихъ поръ еще сохранили куполообразныя постройки; около этого зданія были находимы ямы, выложенныя жженымъ кирпичемъ, съ остатками человѣческихъ костей. Ямы эти ясно указываютъ на слѣды тюремъ среднеазіятскаго характера; подобныя тюрьмы и до сего времени существуютъ въ нѣкоторыхъ ханствахъ.

Никто изъ старожиловъ-киргизъ не могъ опредѣлить хотя приблизительно время существованія Жанкента; преданіе не опредѣляетъ этого времени. Во всякомъ случаѣ существованіе Жанкента киргизы относятъ къ мусульманской эпохѣ. Преданіе гласитъ, что очень много лѣтъ тому назадъ, землею по лѣвую сторону Сыра владѣлъ Жангитъ-ханъ. Владѣнія Жангитъ-хана простирались отъ Сыра до Куванъ-дарьи и проходили берегомъ Аральскаго моря, а гдѣ кончались владѣнія его, теперь никому неизвѣстно.

Жангитъ-хану было около 32 лѣтъ въ то время, къ которому относится преданіе. Онъ былъ красавецъ собою, высокъ ростомъ и никто въ его владѣніяхъ не могъ поспорить съ нимъ силою. Жангитъ имѣлъ единственною женою красавицу Айсулу, дочь кокандскаго старца, слышанаго въ народѣ за святаго.

Больше всего на свѣтѣ Жангитъ любилъ свою хорошенькую Айсулу.

Ничто не омрачало жизни счастливыхъ супруговъ; какъ прозрачная, ключевая вода, обрадовавшись, журчить по бѣлому песку, выбившись изъ мрака, такъ и жизнь Жангитъ-хана съ Айсулою была переполнена веселіемъ и радостью.

Въ одинъ изъ ясныхъ, лѣтнихъ дней Жангитъ собрался на охоту. Богато убранный туркменскій жеребецъ, звеня золотыми и серебряными украшеніями, уже вырывался изъ рукъ рабовъ, наскучивъ стоять на обширномъ ханскомъ дворѣ въ ожиданіи сѣдока. А Жангитъ все еще не можетъ оторваться отъ красавицы Айсулы.

Наконецъ толпа слугъ высыпала изъ внутреннихъ покоевъ; рабы разстилали ковры и алачи отъ дверей комнатъ по двору, до туркменскаго аргамака.

Красивое животное, какъ бы понимая торжественность минуты, стало какъ вкопанное на большомъ хивинскомъ коврѣ.

Появились сердари и совѣтники ханскіе, въ дорогихъ халатахъ съ золотыми и серебряными поясами, съ пристегнутыми къ нимъ изогнутыми, тяжелыми саблями.

Окруженный родственниками, близкими аксакалами и молодыми людьми, вышелъ наконецъ и самъ Жангитъ. Лицо его, еще подъ впечатлѣніемъ ласкъ своей хорошенькой жены, дышало радостнымъ удовольствіемъ.

Въ это время ставня окна внутреннихъ комнатъ, обращенныхъ окнами на дворъ, отворилась и въ пустое отверстіе окна показалась красивая головка Айсулу. Она, довольная и улыбающаяся, слѣдила взглядами за пышнымъ шествіемъ своего мужа. Вотъ онъ коснулся рукою сѣдельной луки и мигомъ, какъ соколъ, взлетѣлъ на лошадь.

Вся толпа, сопровождавшая его, бросилась къ своимъ лошадямъ, выводимыхъ изъ конюшенъ.

Взявъ поводья, Жангитъ бросилъ мимо-летний взглядъ на отворенное окно. Лучъ самодовольства блеснулъ въ его глазахъ. Долго сдерживаемый конь взвился на дыбы и круто повернутый, легкимъ галопомъ проскакалъ по двору, къ наружнымъ воротамъ. Свита безпорядочной толпою ринулась за повелителемъ, желая скорѣе присоединиться къ нему, немилосердно толкая и давя другъ друга въ воротахъ. Не мало потѣшила эта толпа наблюдавшую Айсулу.

Отдавъ приказаніе рабамъ убрать ковры и алачи съ земли, до возвращенія Жангита, Айсулу захлопнула оконную дверцу и скрылась въ покояхъ.

Тамъ, въ одной изъ комнатъ обширнаго дворца, усталанной хивинскими и бухарскими коврами, она опустилась на мягкія подушки. Рабыни-прислужницы сняли съ головы ея джаншукъ и начали расплетать косы.

Расчесываніе волосъ и умасчиваніе ихъ было любимымъ занятіемъ Айсулу. Волоса ея, черныя какъ вороново крыло, были не послѣднимъ украшеніемъ ея красивой головки. Длинные до пяти и мягкія, онѣ очень нравились Жангиту. Нерѣдко онъ самъ просиживалъ цѣлыя дни, разглаживая ихъ и обвивая свои пальцы волосами Айсулу.

Вдругъ слышитъ Айсулу топотъ быстро скачущей лошади. Лучъ радости озарилъ ея лицо и она сама мгновенно привела свои волосы въ порядокъ. Быстрымъ движеніемъ распахнувъ ставню наружнаго окна, она вперила лучистый взоръ на порога, ожидая вотъ-вотъ онѣ распахнутся и въ нихъ появится дорогое ей существо. Первый взгляды Жангитъ-хана упадетъ не нее, Айсулу. Ей уже представляется ласковая улыбка мужа; налицѣ ея, вспыхнувшемъ румянцемъ, выражено нетерпѣливое ожиданіе... Она даже дыханіе притаила...

Ворота распахнулись. На взмыленномъ конѣ вскочилъ на дворъ арабъ-невольникъ... Мигомъ лицо Айсулу покрылось смертною блѣдностью; испуганная, думая не случилось ли какого несчастія съ ея мужемъ, она наклонилась, протягивая руки за окно, къ арабу-невольнику, не въ силахъ будучи выговорить ужаснаго вопроса...

Черный рабъ, оставивъ лошадь и приблизившись къ окну, опустил на колѣна и схватилъ Айсулу за руки. Черные глаза его метали искры...

Айсулу, какъ громомъ пораженная, не отнимала рукъ отъ раба, ожидая услышать изъ устъ его вѣсть о великомъ несчастіи; голова ея кружилась... Черный рабъ, какъ и госпожа его, тоже не могъ произнести ни слова.

Наконецъ Айсулу опомнилась и оставляя свои руки въ рукахъ раба, обратилась къ нему съ вопросомъ: „о вѣрный рабъ моего господина! Ты поторопился извѣстить меня о поразившемъ меня несчастіи? Скажи, что случилось съ господиномъ моимъ?..."

— „Госпожа!“ отвѣчалъ рабъ, „твой Жангитъ также здоровъ и веселъ, какимъ ты его видѣла отъѣзжающимъ и никакое несчастіе не поразитъ его, пока подлѣ него будетъ твой черный слуга. Я отдамъ свою жизнь за жизнь дорогого тебѣ мужа; онъ тебя любить больше всего на свѣтѣ и не предполагаетъ, что есть другой человѣкъ, который тоже любить тебя; онъ отдастъ за тебя и свою жизнь, и жизнь своего повелителя..."

Айсулу съ испугомъ вырвала свои руки изъ сжимавшихъ ихъ рукъ раба. „Что ты хочешь сказать, спросила она; о комъ другомъ говоришь ты?“

— „Айсулу“, отвѣчалъ рабъ; „я привыкъ къ неволѣ; я, какъ вѣрная собака, былъ всегда около Жангита; моей радостью была его радость; появилась ты—я погибъ; я полюбилъ тебя и хочу овладѣть тобою; ты не полюбишь меня, я рабъ, но отдайся мнѣ и я сохраню тебѣ Жангита... Рѣшайся, я тороплюсь; сегодня самъ Аллахъ отуманилъ голову его отъ твоихъ ласкъ; онъ выѣхалъ на охоту, забывъ свою шашку, съ которой никогда не разстанется. Меня онъ послалъ за нею... Аллахъ великъ! Онъ далъ мнѣ случай видѣть тебя одну. Прогонишь ты меня—великое горе виситъ надъ тобою!“

Не успѣвъ договорить своей рѣчи рабъ, какъ сильный ударъ рукою Айсулы поразилъ его черное лицо. Айсулу, какъ ужаленная, отскочила внутрь комнаты и крикнула прислужницѣ.

Потомъ она сняла шашку Жангита со стѣны и подавая ее черезъ окно рабу, сказала: „скачи скорѣе презрѣнный рабъ къ твоему повелителю, преклони предъ нимъ голову и пусть эта шашка прекратитъ твою жизнь; иначе ты, какъ скверная собака, издохнешь въ ямѣ“...

Жангитъ, пославъ араба-невольника за шашкою, расположился со своею свитою на берегу Сыра, на разостланныхъ коврахъ. Веселье и шутки повелителя заразительно дѣйствовали на молодежь. Шуткамъ и шумному разговору казалось не будетъ и конца. Составились скачки и самъ Жангитъ принималъ дѣятельное участіе въ нихъ. Каждый старался щегольнуть своимъ скакуномъ...

Такъ прошелъ часъ, другой и больше... Вдругъ, среди общаго веселья, лицо хана омрачилось; высокій, бѣлый лобъ его прорѣзала глубокая складка.

Забавы молодежи мигомъ прекратились; веселья какъ не бывало и вся свита, испуганно переглядываясь, окружила хана... Всѣ недоумѣвали: что огорчило ихъ повелителя? Не понравилось ли ему брошенное къмъ нибудь на вѣтеръ, неосторожное слово? Каждый спрашивалъ себя: не онъ-ли виновный и ждалъ что вотъ-вотъ на него обрушится гнѣвъ его повелителя. А Жангитъ все молчитъ, только складка на высокомъ лбу его дѣлается все

глубже и глубже... Вот он устремил свой огненный взоръ на дорогу и замеръ въ ожиданіи. Вся свита невольно послѣдовала за его взглядомъ. Теперь всѣмъ стало ясно, что Жангитъ беспокоится отъ долгаго отсутствія своего раба, посланнаго за шашкою.

У каждаго невольно промелькнулъ вопросъ: „что-то ожидаетъ несчастнаго раба“. Всѣмъ

извѣстенъ былъ веселый нравъ повелителя и въ тоже время никто не забывалъ его вспыльчивости и необузданной жестокости. Не мало головъ вѣрныхъ слугъ его слетѣло съ плечъ подъ ударами его кривой, тяжелой шашки.

Наконецъ зоркіе глаза повелителя замѣтили на горизонтѣ желтоватое облачко. Облачко это становилось все ближе и ближе... Желтоватая пыль въ тихомъ, ясномъ воздухѣ спиралью вьется къ голубоватому, прозрачному небу... Кто-то быстро несется по дорогѣ; вотъ обрисовался вдали и самъ всадникъ. Лучи солнца играютъ, отражаясь на металлическомъ предметѣ въ рукахъ его... Чѣмъ ближе всадникъ, тѣмъ нетерпѣливѣе становится Жангитъ; боковая складка все глубже прорѣзываетъ его лобъ. Скачущій всадникъ былъ черный рабъ, посланный въ урду, за шашкой.

Осадивъ лошадь, онъ мигомъ соскочилъ съ нея и падая предъ повелителемъ на колѣна, подносилъ ему шашку.

Какъ молнія, сверкнули глаза Жангита и онъ гнѣвно закричалъ: „гдѣ ты пропадалъ черная собака; что задержало тебя въ урдѣ?“ — „Повелитель, трясаясь всѣмъ тѣломъ отвѣчалъ рабъ; „гнѣвъ твой справедливъ; я виноватъ, что заставилъ тебя долго ждать, но разрѣши вѣрному рабу сказать слово оправданія... Ты, могущественный ханъ, мой повелитель; но у меня также есть и госпожа—твоя любимая Айсулу...“

— „Говори скорѣй, что съ ней?“ прервалъ его Жангитъ.

— „Повелитель“, снова заговорилъ рабъ, „Рахметулла, по повелѣнію Бога, управляетъ добрыми дѣлами правовѣрнаго; албасты (дьяволъ), врагъ его, соблазняетъ человека на дурныя дѣла... Твоя Айсулу хотѣла измѣнить тебѣ“...

— „Ты лжешь собака!“ закричалъ Жангитъ и шашка его извилась надъ головой раба...

— „Повелитель“, воскликнулъ рабъ, „ты воленъ убить меня не выслушавши; вотъ тебѣ моя голова“ и онъ протянулъ шею подъ шашку Жангита.

Невольно рука Жангита, съ поднятымъ для удара изогнутымъ клинкомъ шашки, тихо опустилась, и онъ блѣдный, предчувствуя что-то недоброе, измѣнившимся голосомъ сказалъ: „говори“.

— „Повелитель“, заговорилъ рабъ, „я по твоему приказу поскакалъ въ урду за шашкой. Въѣзжая во дворъ, я увидѣлъ въ окнѣ Айсулу. По знаку ея, я вошелъ въ покои. Тамъ она указала мнѣ мѣсто подлѣ себя на подушкахъ. Я рабъ и повиновался госпожѣ. Она обвила мою шею своими руками... голова моя закружилась и я забылъ, что живу на землѣ... Богъ великъ, онъ смотритъ на людей съ высоты своей. Въ это время мой конь, стоявшій на дворѣ, заржалъ... Я пришелъ въ себя; высвободившись изъ объятій Айсулу, схватилъ я твою шашку, висѣвшую на стѣнѣ и какъ сумашедшій, выскочилъ изъ покоевъ...“

— „Лошадь“, крикнулъ Жангитъ. Какъ вихрь, помчался онъ къ городу. Свита его, пораженная ужасомъ, едва успѣвала за нимъ. Прискакавши въ урду, Жангитъ, какъ степной ураганъ, влетѣлъ во внутреннія покои. Въ первой-же комнатѣ встрѣтила его Айсулу, протягивая руки для объятій...

— „Прочь, собака“, воскликнулъ Жангитъ... Клинокъ взвился и руки Айсулу до локтей вмигъ отлетѣли прочь... „Жангитъ!“ простонала Айсулу и повалилась на полъ, истекая кровью.

Громадная толпа министровъ, совѣтниковъ и близкихъ родственниковъ хана, въ пестрыхъ, богатыхъ халатахъ, окруженная многочисленною прислугою разныхъ цвѣтовъ кожи и возраста, не зная еще о совершившемся, безмолвно стояла на обширномъ, ханскомъ дворѣ...

Въ дверяхъ, съ обнаженною пашкою, показался и самъ Жангитъ-ханъ; ужасный видъ его лица и медленно стекавшія съ клинка капли свѣжей крови, объяснили присутствующимъ о варварской расправѣ...

Вдругъ, среди всеобщаго, мертваго безмолвія, раздался сильный, потрясшій все зданіе, стукъ въ наружныя, запертыя ворота. Толпа содрогнулась; содрогнулся и самъ Жангитъ-ханъ... „Схватить дерзкаго!“ крикнулъ онъ и сжимая клинокъ въ рукахъ, направился къ воротамъ. Перепуганная челядь бросилась къ воротамъ, распахнула ихъ и почтительно отступила внутрь двора... Медленнымъ шагомъ, на прекрасномъ, бѣломъ какъ снѣгъ, аргамакѣ, въѣхалъ на дворъ старикъ, окруженный нѣсколькими слугами. Длинная, сѣдая борода его волнами колыхалась на груди... Увидѣвъ его, Жангитъ, какъ вкопанный, остановился на мѣстѣ. Старикъ, удивленный, что никто не подбѣжалъ къ нему, чтобы придержать лошадь, остановилъ ее и медленно слѣзъ съ сѣдла. Также медленно онъ подошелъ къ Жангиту, инстинктивно угадывая, что тутъ произошло что-то ужасное. „Дитя мое, что случилось здѣсь?“ спросилъ онъ Жангита. Жангитъ медлилъ отвѣтомъ, но вдругъ глаза снова сверкнули гнѣвомъ и онъ крикнулъ:

— „Старикъ! Плохое ты выбралъ время посѣтить свою дочь!“ При этихъ словахъ и при видѣ раздраженія Жангита, старикъ поблѣднѣлъ. Губы его затряслись, онъ протянулъ руки къ Жангиту и дрожащимъ отъ волненія голосомъ сказалъ: «гдѣ Айсулу?... Аллахъ! Она умерла?..»

Жангитъ не отвѣтилъ ни слова, только рукою указалъ по направленію дворца. Старикъ, все еще подъ гнетомъ чего-то ужаснаго, неопытнаго ему, спотыкаясь на каждомъ шагѣ своими дряхлыми ногами, побѣжалъ въ покои. Жангитъ, а за нимъ и вся толпа, невольно послѣдовали туда-же.

Прибѣжавъ во дворецъ, въ первой-же комнатѣ старикъ ступилъ ногами прямо въ лужу крови, разлившейся по полу. Распростертая, безъ чувствъ, лежала въ этой лужѣ Айсулу... Онъ понялъ все! Мигомъ сорвалъ онъ съ головы кисейную чалму и разорвавъ ее, опустился на колѣни, къ тѣлу Айсулу и опытной рукой началъ быстро перевязывать ей перерубленные руки. Жангитъ и толпа вошли въ комнату и остановились въ нѣмомъ ужасѣ.

Жангитъ уже безъ злобы, но въ какомъ-то тупомъ онѣмѣніи слѣдилъ глазами за движеніями старика; а онъ, перевязавъ руки Айсулу, поднялъ ее безжизненное тѣло и перенесъ на лежавшія по стѣнамъ подушки. Опустившись подлѣ нея и не глядя на окружающихъ, онъ глухо проговорилъ: „вода“. Только при звукѣ этаго глухаго голоса толпа пришла въ себя. Всѣ зашевелились, многіе бросились исполнять приказаніе старика; всѣ какъ-то сразу почувствовали, что онъ теперь здѣсь господинъ и никто уже не обращалъ вниманія на стоявшаго тутъ-же, съ опущенными въ землю глазами, Жангитъ-хана. Вода была принесена. Старикъ обмылъ ею лицо и голову дочери; ножомъ, висѣвшимъ на его поясѣ, разжалъ онъ ей зубы и влилъ въ ротъ нѣсколько капель. Айсулу содрогнулась всѣмъ тѣломъ и медленно приподняла опущенныя вѣки.

Ничего не понимая, обвела она потухающимъ взоромъ вокругъ себя и остановившись на дорогомъ ей образѣ отца, радостно улыбнулась. Вѣки ея снова закрылись и тихое дыханіе свидѣтельствовало, что она не лишилась чувствъ, а изнемогала лишь отъ потери крови.

Старикъ поднялся на ноги и медленнымъ, унылымъ взоромъ обвелъ толпу. Глаза его остановились на Жангитѣ; ханъ подъ вліяніемъ его взгляда, также приподнялъ голову и глаза ихъ встрѣтились. Долго молча смотрѣли они другъ на друга. Жангитъ не выдержалъ неподвижнаго взора старика и въ смущеніи опустилъ глаза въ землю.

— „Баламъ! (дитя) скажи мнѣ, какую тяжкую вину совершила Айсулу?“ спросилъ мягкимъ голосомъ старикъ.

Жангитъ съ волненіемъ рассказалъ о невѣрности Айсулу.

— „Жангитъ!“ воскликнулъ старикъ и голосъ его становился строгимъ; „виновата ли Айсулу? Не такъ-ли же черна душа твоего раба, какъ и его тѣло? Скажи мнѣ правду: она созналась тебѣ?“

— «Нѣтъ, я былъ очень взбѣшенъ, когда вошелъ во дворецъ и первая меня встрѣтила Айсулу; я не успѣлъ ее спросить; рука моя невольно поднялась и я не сознавалъ, что дѣлалъ.

— «Ханъ Жангитъ! воскликнулъ старикъ, тебѣ Аллахъ даровалъ власть; ты, какъ справедливый ханъ и добрый мусульманинъ, долженъ былъ совершить судъ по закону. А ты повѣрилъ рабу; злоба тебя ослѣпила. Скажи мнѣ, вѣришь-ли ты въ виновность Айсулу?».

— „Отецъ!“ дрожащимъ голосомъ заговорилъ Жангитъ, не глядя на старика; „албаста силенъ...“

— «Не забывай, что силенѣе албасты есть Аллахъ», прервалъ его старикъ. „Сердце мое разорвалось на части. Айсулу, ты знаешь, моя единственная дочь; если она виновна, пусть Аллахъ накажетъ ее страшнымъ мученіемъ!... А если она не виновна?“ и старикъ вперилъ свой взоръ въ Жангита.

— „А если она невинна, пусть Аллахъ накажетъ меня!“ отвѣчалъ Жангитъ.

— „Аллахъ великъ!“ и старикъ возвысилъ голосъ, „я проклиная того, кто виновенъ! Аллахъ! Аллахъ!“ голова его опустилась, губы шептали какія-то непонятныя слова. Вся толпа, окружавшая этихъ людей стояла безмолвно, охваченная ужасомъ. Видъ старика, съ поникшею головою, имѣлъ видъ грознаго судьи, но не того судьи, который творить судъ съ оружіемъ въ рукахъ; это было нѣчто другое, болѣе грозное, болѣе ужасное... Глаза всѣхъ были устремлены на него. Вотъ старикъ возвелъ руки къ небу; онъ кончилъ и какъ-бы шепча еще молитву, тихо произнесъ: „Аллахъ! Аллахъ!“...

Что-то страшное, сверхъестественное совершилось въ эту минуту; каждый чувствовалъ это „что-то“, но никто не отдавалъ себѣ отчета, что это было. Жангитъ, какъ громомъ пораженный, трясся всѣмъ тѣломъ; лицо его покрылось мертвой блѣдностью... Въ эту минуту тяжелый вздохъ забытой всѣми Айсулу вывелъ присутствующихъ изъ оцѣпенѣнія. Всѣ глаза обрати-

лись въ ту сторону и вдругъ изъ всѣхъ устъ вырвалось громкое, испуганное: „Аллахъ“.

Айсулу лежала на подушкахъ съ открытыми глазами, обращенными съ любовью на отца, и какъ бы только что проснувшись, отъ пріятнаго сна, протягивала къ нему свои, совершенно здоровыя, цѣлыя руки. Повязки изъ кисейной чалмы валялись на подушкахъ.

Когда и какъ произошло это чудо, никто не зналъ; всѣ видѣли лишь въ этомъ волю и судъ самого Аллаха. Жангитъ упалъ на колѣни, подползъ къ Айсулу и не стѣсняясь присутствіемъ постороннихъ, покрывалъ ее поцѣлуями. Крупныя слезы катились изъ его глазъ.

— „Жангитъ!“ строго сказалъ старикъ, „остановись; Аллахъ великъ! Онъ награждаетъ невинно пострадавшихъ и строго наказываетъ виновныхъ“. Не успѣлъ онъ договорить своихъ словъ, какъ вдругъ страшный ураганъ пронесся надъ урдою и отъ паднувшей черной тучи въ комнатѣ стало такъ темно, что стоявшіе рядомъ не узнавали другъ друга. Окна и двери сами собою распахнулись и въ нихъ, страшно извиваясь, поползли невиданныя дотолѣ змѣи.

Жангитъ и окружающіе, кромѣ Айсулу и ея отца, бросились въ разные стороны, спасаясь бѣгствомъ. Змѣи мгновенно наполнили всѣ комнаты дворца, дворъ и даже дома и улицы столицы, лежавшей за урдой и простиравшейся до самаго Сыра. Нигдѣ спасенія не было. Змѣи нападали на людей и грызли ихъ. Первыми погибли Жангитъ и его черный рабъ. Старикъ-же со своими слугами, бѣлымъ конемъ и съ красавицей Айсулу исчезли, но когда и куда—никто не видалъ. Змѣи все прибывали и прибывали. Ни въ урдѣ, ни въ городѣ не осталось уже ни одного живаго существа; тѣла людей, изъѣденныя змѣями, валялись всюду. Три дня продолжалось это истребленіе людей. Изъ всего обширнаго города казалось не осталось никого въ живыхъ. Между тѣмъ двое молодыхъ и красивыхъ людей, спасшись какимъ-то чудомъ, бѣжали далеко-далеко отъ столицы Жангита. Какъ имъ удалось избѣжать смерти—это извѣстно одному Аллаху, но теперь они, изнуренные, съ разодранными о колючку ногами, обливавшимися

кровью, съ ужасомъ оглядываясь по сторонамъ, бѣжали все дальше и дальше. Эти двое были: младшій братъ Жангита, Улу-ханъ и задушевный другъ его, Жала-батырь, сынъ одного изъ сановниковъ. Они изнемогали отъ боли, усталости и голода, но страхъ невольно заставлялъ ихъ идти.

Такъ шли они, не отдыхая, три дня и три ночи. На четвертый день имъ стали попадаться курганчи (хутора) подданныхъ Жангита. Вѣсть о бѣдствіи, поразившемъ столицу ханства, до нихъ не дошла, да врядъ-ли и могла бы дойти. Улу-ханъ условился со своимъ другомъ не говорить объ этомъ бѣдствіи народу, а также скрыть свое происхожденіе и убраться дальше, въ какое нибудь другое ханство. Оборванная одежда, клочьями висѣвшая на нихъ, невольно заставляла каждого встрѣчнаго видѣть въ нихъ безпріютныхъ скитальцевъ. Не видя опасности, друзья понемногу успокоились, заходили въ курганчи и аулы, спрашивали о направленіи принятаго ими пути. Перешли они наконецъ границу владѣній Жангита и кормясь кое-какъ и чемъ попало, добрались до границы Бухары. Цѣль ихъ скитанія была намѣчена: имъ нужно было дойти до г. Бухары и поселиться тамъ, благодаря судьбу за свое спасеніе. Вотъ наконецъ и Бухара. На базарной площади нашлись такіе же оборванные скитальцы, которые дѣлились съ ними скудными крохами.

Нѣсколько дней ходили они изъ улицы въ улицу, узнавая городъ и жителей. Все было для нихъ ново.

Наконецъ два друга рѣшили, что они должны получить высшее образованіе, достойное ихъ происхожденія. И такъ каждый выбралъ для себя медресе: Улу-ханъ выбралъ Миръ-Гарапъ; а Жала-батырь — Кукалдашъ. Въ медресе они были приняты безпрепятственно, сказавшись безродными скитальцами съ береговъ Сыра. Тайну свою каждый изъ нихъ повѣдалъ старшему муллѣ своего медресе, и то лишь заручившись отъ него клятвою не выдавать ее безъ особенно важной причины.

Проходить мѣсяцъ, другой и больше... Многихъ изъ подданныхъ Жангитъ хана постигло несчастье, неслыханное, непонятное. Городъ и урда стоятъ по прежнему на своемъ мѣстѣ, только не выходитъ никто оттуда.

Нѣтъ ни сборщиковъ податей, ни ханскихъ джигитовъ, рыскавшихъ прежде повсюду.

Кушцы изъ ближайшихъ кишлаковъ уѣзжаютъ по обыкновенію въ базарные дни съ товаромъ къ городъ, но что-то ихъ задерживаетъ тамъ и они до сего времени домой не возвращаются. Семьи въ горѣ. Можетъ быть немилостью ханскою томятся несчастные въ сырыхъ ямахъ... Скотоводы, гонимые барановъ въ городъ, на продажу—тоже не возвращаются... Родственники тайкомъ пробирались въ городъ, разузнать объ участи своихъ—и тоже исчезли безслѣдно... И развѣслась вѣсть по всему ханству, что Жангитъ-ханъ неистовствуетъ, не выпускаетъ никого изъ города, а вновь прибывшимъ отрубаетъ головы.

Ужасъ охватилъ все ханство. Люди бѣжали отъ этого страшнаго города, забирались въ пески, устраивали тамъ себѣ, за барханами, лачуги, и старались какъ можно рѣже показываться въ людныхъ мѣстахъ. Все отодвинулось на Яны и Куванъ-дарью, готовое, при первой дурной вѣсти, бѣжать за предѣлы ханства. Дороги къ городу скоро стали заростать колючкою и засыпаться пескомъ.

Находились смѣльчаки, которые сторонкой пробирались къ городу и долго за нимъ наблюдали. Но они не могли ничего примѣтить; улицы были совершенно пусты, по вечерамъ даже не было видно и огней въ домахъ. Все показывало, что жизнь въ этомъ многолюдномъ городѣ приостановилась... Заинтересуетъ это смѣльчака и онъ, сторожась на каждомъ шагу, пробирается къ городу непримѣтными тропинками; вотъ и улицы, и дома; ворота всѣ отворены... Вдругъ онъ чувствуетъ, что что-то живое, холодное обвивается вокругъ его ногъ, охватываетъ ихъ все выше и выше; онъ порывается убѣжать—ноги не могутъ сдѣлать и шага; онъ руками рветъ опутывающія его живыя веревки и замертво падаетъ, пожираемый змѣями... И ужъ не вернуться ему къ живымъ, чтобы повѣдать міру о томъ, что творится въ мертвомъ городѣ!

Такъ проходилъ годъ за годомъ. Тайна, облекавшая столицу ханства, оставалась неразгаданною. Народъ мало-по-малу привыкъ

къ своему положенію, началъ управляться самъ собою, не платя никому подати.

Дошли слухи и до Хивы, что въ сосѣдствѣ, на устьѣ Сыра, происходитъ что-то необычайное. Хивинскій ханъ неоднократно посылалъ своихъ людей въ столицу Жангита, но посланные не возвращались. Видя, что онъ имѣетъ дѣло съ чѣмъ-то весьма страннымъ и страшнымъ своею таинственностью, хивинскій ханъ, боясь навлечь какую нибудь бѣду и на свои владѣнія, прекратилъ эти развѣдки.

Прошло десять лѣтъ. Однажды, среди жаркаго лѣта, на правомъ берегу Сыра, противъ Жанкента появилось стадо барановъ. Стадо это состояло изъ трехъ сотъ головъ. Вожакомъ впереди шелъ большой бѣлый козелъ, съ длинными, прямыми рогами; за нимъ, пощипывая по дорогѣ скудную траву, широко разсыпавшись, брели бараны.

Среди мертвой, окружающей тишины, раздавалось рѣдкое посвистываніе единственнаго погонщика барановъ. Мѣховой тумакъ (шанка) съ откидными на четыре стороны лопастями и острымъ верхомъ, прихрыпавшій въ пальціи зной голову погонщика, свидѣтельствовалъ о его киргизскомъ происхожденіи.

Откуда этотъ человѣкъ и зачѣмъ пригналъ онъ сюда своихъ барановъ?

Бараны достигли отлогатаго берега Сыра и бросились къ водѣ утолить жажду, а затѣмъ разсыпались въ мелкомъ, зеленомъ камышѣ. Погонщикъ подошелъ къ водѣ, омылъ лицо и голову и растянулся тамъ-же, отдохнуть. Усталые члены его раскинулись на сырой, прохладной береговой глинѣ. Съ удовольствіемъ подставивъ темно-красное лицо свое подъ лучи солнца, киргизъ задремалъ. Въ воздухѣ ни звука; только изрѣдка фыркнетъ гдѣ нибудь по близости баранъ, наткнувшись носомъ на сухой стебель тонкаго камыша, или неосторожно втинетъ много сухой, солонцеватой пыли въ свой горбатый носъ... А задремавшій погонщикъ ничего не слышитъ. Видитъ онъ во снѣ далеко, въ Каракумахъ, свой аулъ... Голые ребятишки его ползаютъ около него, залѣзаютъ къ нему на грудь; онъ ласковою рукою треплетъ ихъ обнаженные спины, и лицо его широко расплывается въ

довольную улыбку. Среди юрты весело трещитъ подъ очагомъ камышъ; въ котлѣ ключемъ кипитъ вода, переворачивая куски мяса и кости молодого ягненка. зарѣзаннаго имъ сегодня, для обѣда. Подходить къ нему жена и смѣясь толкаетъ въ бокъ... Онъ открываетъ глаза... Яркіе лучи солнца такъ и рѣзнули его; въ первую минуту его такъ ослѣпило, что онъ не видитъ ничего и не понимаетъ... Гдѣ же его юрта? Гдѣ жена и дѣти?... А готовый обѣдъ?... Оглядывается, а баранъ, раскопавши у его бока землю, ложится подлѣ него, стараясь укрыться отъ жары въ полоскѣ тѣни, бросаеомой вытинутымъ тѣломъ своего хозяина... Вотъ она, дѣйствительность!.. „Эхъ! вздохнулъ киргизъ,“ двадцатый день уже гоню я барановъ, а сколько еще гнать—Худай беледы! (Богъ знаетъ). Съ дороги кажется не сбился, вотъ и Сыръ... Наши говорили, что надо идти все прямо, по этой дорогѣ; пойдутъ дорожки и на право, и на лѣво, а нужно все прямо. На Сырѣ есть большой, большой городъ; это вотъ тотъ должно быть, что вдали вилѣется. Въ городъ, говорятъ, не заходи. Ханъ барановъ отберетъ. Людей, слава Аллаху, не видно; ночью переплаваю барановъ и прогоню дальше...

Пронесся по Каракумамъ, населеннымъ киргизскими родами, Богъ вѣсть кѣмъ занесенный слухъ, что въ Бухарѣ сильно вздорожали бараны, что за сто барановъ даютъ цѣлую арбу съ разнымъ товаромъ и что стоитъ только барановъ туда пригнать, чтобы сдѣлаться богатымъ кушцомъ. Нашлись люди, рассказавшіе какого пути держаться нужно. Вотъ и задумалъ знакомый уже намъ киргизъ отправиться со своими баранами въ Бухару, искать счастья. Если изъ трехъ сотъ барановъ только сто придетъ на мѣсто, и то слава Богу!

Поднялся киргизъ на ноги, пошелъ онъ тихимъ шагомъ, переваливаясь со стороны на сторону, между баранами, ища чего-то глазами. Вотъ онъ нашелъ, направился прямо въ кучу барановъ къ одному изъ нихъ, самому большому. Тотъ спокойно обрывалъ молодые листья камыша и не прерывалъ своего занятія, когда киргизъ подошелъ къ нему и началъ развязывать державшійся на его

спинѣ, небольшой мѣшочекъ. А киргизъ отвязавъ этотъ маленькій вьюкъ, направился съ нимъ снова къ берегу. Тутъ онъ досталъ изъ мѣшка нѣсколько шариковъ „крута“ (сыръ изъ сгущеннаго кислаго молока), развязалъ другой такой-же мѣшочекъ, принесенный имъ на своей спинѣ и досталъ изъ него небольшую деревянную чашку (табакъ). Забравъ все это, онъ спокойно опустился на землю, у самой воды, подобравши подъ себя поги. Зачерпнулъ онъ мутной водицы въ чашку, опустилъ туда же два-три шарика крута и началъ кружить ихъ пальцемъ по чашкѣ. Вода въ чашкѣ скоро начала бѣлѣть и когда распустились шарики, получилась полугустая, молочная масса. Онъ съ наслажденіемъ началъ пить эту массу маленькими глотками. (Это кислое молочное питье довольно питательно и вмѣстѣ съ тѣмъ прекрасно утоляетъ жажду). Такимъ образомъ, распуская сырные шарики въ водѣ, онъ выпилъ нѣсколько чашекъ, затѣмъ, зачерпнувъ еще воды, сполоснулъ чашку.

Жаръ постепенно сваливалъ и солнце спустилось къ горизонту.

Киргизъ пошелъ въ камыши и забравшись въ самую гущу ихъ, гдѣ росла куга (родъ плохого мѣстнаго тростника) началъ сгребать въ кучу высохшіе, валявшіеся на землѣ, стебли ея. Затѣмъ онъ нарвалъ молодой зеленой куги и свилъ изъ нея нѣсколько недлинныхъ веревокъ, разостлалъ ихъ параллельно одна другой съ небольшими промежутками и собранную сухую кугу наложилъ на эти веревки, пригоняя и укладывавъ ее крестообразно. Стянувъ концы веревокъ, онъ приготовилъ довольно объемистый снопъ. Такимъ же образомъ былъ связанъ и другой снопъ. Снопы эти, по одному, онъ подтащилъ на берегъ Сыра и уложилъ ихъ рядомъ, у самой воды. Свитыми изъ куги-же веревками онъ связалъ снопы, а сверху прикрѣпилъ къ нимъ два мѣшечка съ провизіей. Устроивъ этотъ „саль“ (плотъ), онъ присѣлъ отдохнуть.

Пока киргизъ все это дѣлалъ, вечеръ наступилъ и изъ за горизонта выплыла полная луна, далеко освѣщая степь своимъ блѣднымъ свѣтомъ.

Киргизъ пытливо всматривался въ виднѣв-

шійся за рѣкою городъ: ни одного огонька не мелькнуло въ немъ и ничто не указывало на близость человѣка. Тихо, безъ шума началъ онъ подгонять къ рѣкѣ свое стадо. Бараны, одинъ за другимъ подходили къ берегу, сбиваясь въ плотную кучу. Погонщикъ, сгняя ихъ, старался ближе держаться къ бѣлому козлу. Окинувъ въ послѣдній разъ окрестности внимательнымъ взглядомъ, съ цѣлью убѣдиться: нѣтъ-ли гдѣ запоздавшихъ, онъ ловко накинулъ на шею вожаку-козлу недлинный, волосной арканъ, быстро прикрѣпилъ другой конецъ его къ плоту и толкнулъ его въ воду, стараясь дальше оттолкнуть отъ берега. Когда плотъ и привязанный къ нему козелъ медленно поплыли по теченію, погонщикъ быстро забѣжалъ за стадо и рѣзкимъ свистомъ началъ сгонять барановъ въ воду. Животные, испуганно металась по берегу, но видя, что вожакъ ихъ плыветъ, сначала одинъ за другимъ, а затѣмъ и всѣмъ стадомъ, бросились въ рѣку и поплыли за козломъ. Погонщикъ спустился по берегу, догоняя уходящую плотъ, снялъ на бѣгу рубашку и обвязалъ ее во-

кругъ тѣла, а самъ бросился въ воду, пробираясь между кучами плывшихъ барановъ. Вотъ онъ добрался до своего плотика, взобрался на него, растянулся на немъ ничкомъ и мѣрными ударами по водѣ ладоней, какъ веслами, направлялъ плотъ къ противоположному берегу. Все это заняло не болѣе пяти, шести минутъ времени. Бараны, послушные своему вожаку, слѣдили за его направленіемъ и плыли всѣмъ стадомъ, не отставая отъ плота.

Добрыхъ три четверти часа плыли бараны и далеко таки отнесло ихъ теченіемъ рѣки. Наконецъ плотъ ударился о берегъ и лежавшій на немъ киргизъ, вскочивъ въ воду, держась одной рукой за плотъ, другою ухватился за расущій тутъ камышъ. Къ счастью, берегъ оказался отлогимъ и бараны, одинъ за другимъ выходили изъ рѣки, отряхивая воду, наполнившую ихъ густую шерсть.

Когда бараны выбрались изъ рѣки, киргизъ окинулъ безпечнымъ взглядомъ все стадо, скучившееся на берегу, тяжело дышавшее отъ усталости.

Сколько погибло, не пересиливши теченія Сыра, онъ опредѣлить еще не могъ, но привычный его глазъ не замѣтилъ большой потери. Онъ возблагодарилъ Аллаха за счастливую переправу и самъ, усталый, прилегъ на берегу, отдохнуть. Бараны, непривычные къ починымъ перегонамъ и утомленные переправою, кучей улеглись тутъ-же, около погонщика.

Гнать усталое стадо ночью было рискованно и погонщикъ, оставилъ барановъ отдохнуть часа два, рѣшивши поднять ихъ передъ утренней зарей.

Время отъ времени онъ безпокойно выглядывался въ темную массу города, боясь, не обратилъ-ли онъ на себя чье либо вниманіе. Но, слава Аллаху, городъ по прежнему не показывалъ признаковъ жизни.

Передъ разсвѣтомъ погонщикъ поднялся, привязалъ мѣшечки съ провизіей на спины болѣе сильныхъ барановъ, отыскалъ спавшаго козла и нѣсколькими легкими ударами палки заставилъ его встать и ободриться. Бараны, видя вожака на ногахъ, готоваго къ пути, рассыпались по окрестности, пощипывая мелкій камышъ. Погонщикъ только этого и ждалъ.

Едва примѣтная, поросшая рѣдкимъ камышемъ, тропинка вилась влѣво отъ берега. Погонщикъ короткими, сдержанными посылками направлялъ стадо на эту тропинку. Козелъ-вожакъ, какъ-бы угадавъ желаніе хозяина, твердымъ шагомъ направился по ней. Стадо двинулось за нимъ. Проходя вблизи урды мертваго города, киргизъ бо-язливо оглядывая окрестности, невольно торопилъ стадо.

Слава Богу, вотъ онъ и городъ миновалъ, и въ предразсвѣтномъ мракѣ уже едва были примѣтны высокія стѣны урды. Мракъ началъ разсѣваться и на востокъ бѣлая полоска разсвѣта едва примѣтно прорѣзала край горизонта. Эта полоска росла, расходилась въ стороны .. приближался утренній разсвѣтъ. Повѣяло прохладой — лучшее время для перегона скота. Бараны весело и скоро подвигались впередъ.

Вотъ и совсѣмъ разсвѣло, скоро и лучи солнца длинными прозрачными нитями протянутся по землѣ, золоты верхушки придорожной, грубой травы, клочками разбросанной

по всему пути.

— „Аллахъ! Что-же это такое?“ .. и сердце погонщика тревожно забилося. Онъ увидѣлъ на длинныхъ, прямыхъ рогахъ козла-вожака обвившихся двухъ большихъ змѣй...

Киргизъ такъ и замеръ отъ испуга .. „Что, если змѣи ужалить козла и онъ падетъ?“. Прощай тогда мечты его!.. Какъ онъ дальше погонитъ свое стадо? Бараны его такъ привыкли къ этому вожаку, что безъ него гнать ихъ одному человѣку было невозможно. Онъ подвигался за стадомъ, а голова его работала надъ мыслью: какъ убить змѣй, чтобъ спасти козла? Станнымъ показалось погонщику, что козелъ, какъ-бы не чувствуя непріятной пощи, весело идетъ дальше. И рѣшилъ киргизъ не тревожить змѣй до почлега, а тамъ—авось ему удастся ихъ убить ..

Въ полдень, въ самую жару, стадо еле-еле подвигалось впередъ, широко рассыпавшись по степи. Къ вечеру, когда бараны прибавили шага, почуввъ близость прохлады, погонщикъ замѣтилъ въ сторонѣ отъ тропинки, между песчаными барханами, какой-то черный предметъ, похожій на котелъ. Шедшій впереди козелъ тоже примѣтилъ этотъ предметъ и быстро повернулъ къ нему. Стадо не отставало отъ вожака.

Предположеніе погонщика подтвердилось; черный предметъ оказался дѣйствительно большимъ котломъ, а рядомъ съ нимъ теперь показался и чилякъ (деревянное ведро), съ длинною волосаною веревкою. „Слава Аллаху—колодезь!“ Въ былое время по всей степи, по обоимъ берегамъ Сыра, въ пескахъ, въ различныхъ направленіяхъ были нарыты колодцы. У cadaго колодца непременно стоялъ котелъ и ведро съ веревкою. Кто и когда нарылъ эти колодцы, кто оставилъ котелъ и ведро для путешественника, — никому неизвѣстно, но каждый, нашедши такой колодець, возносилъ горячія молитвы за благодѣтельнаго человѣка.

Именно такой-то колодець и увидѣлъ погонщикъ барановъ. Бараны, чуя присутствіе воды, жалобно блѣяли, тыча свои горбатые морды въ нагрѣтый лучами солнца котелъ, облизывая его своими высохшими языками. Погонщикъ взялъ ведро, испытывая крѣпость веревки, выдержать ли она тяжесть ведра съ

полою, чтобы, въ случаѣ опасности, навязать узелъ на ненадежномъ мѣстѣ.

Безводная песчаная пустыня невольно заставляла путника быть осмотрительнѣе.

Веревка оказалась надежною и погонщикъ, торопясь, зачерпалъ воду ведромъ, выливая ее въ котелъ. Не успѣлъ онъ вылить ведро, какъ вода мгновенно поглощалась мучившимися отъ жажды баранами. Они, толкая другъ друга, лезли къ котлу и съ жадностью облизывали капли воды съ морды счастливыхъ товарищей, успѣвшихъ освѣжиться солоноватою влагою.

За хлопотами и заботами поскорѣе напоить измученное стадо, погонщикъ забылъ о двухъ испугавшихъ его змѣяхъ; а когда онъ вспомнилъ о нихъ и отыскалъ глазами козла, то на рогахъ его змѣй уже не было. Вооружившись своею длинною палкою, киргизъ обошелъ все мѣсто расположенія стада, отыскивая за каждымъ кусточкомъ чахлой травки своихъ враговъ. Всѣ его поиски оказались тщетны; заключивши, что змѣи уползли куда нибудь далеко, онъ успокоился.

Отыскавъ погонщикъ своихъ барановъ, замѣнявшихъ ему вьючныхъ животныхъ, снялъ съ нихъ мѣшечки съ провизіей и зачерпнувъ воды изъ колодца, съ такими-же разстановками и сосредоточенностью, какъ и прежде, и съ тѣми-же приемами, поужиналъ крутомъ и расположился на ночлегъ, у самаго колодца.

Съ разсвѣтомъ погонщикъ такими-же, какъ и прежде одвообразными, отрывочными посвистываніями, но уже не сдерживаемыми, изъ опасенія возбудить чье либо вниманіе, поднималъ свое стадо, напоилъ его изъ котла и погналъ дальше. Снова стадо разсыпалось широкою полосою по степи, слѣдуя за своимъ вожакомъ, какъ вдругъ киргизъ, при утреннемъ разсвѣтѣ, снова примѣтилъ на рогахъ козла обвившихся змѣй... Пораженный этимъ явленіемъ, киргизъ призывалъ на защиту Аллаха.

Къ вечеру онъ пришелъ къ такому-же колодцу, также напоилъ барановъ, также и самъ поужиналъ ..

Такъ гналъ киргизъ своихъ барановъ изодня въ день все дальше и дальше; змѣи по вечерамъ скрывались неизвѣстно куда, а утромъ, лишь только бараны поднимались

въ путь, обвивали уже рога козла, который повидимому нисколько не тяготился ими.

Не одинъ уже десятокъ дней гналъ киргизъ своихъ барановъ послѣ переправы черезъ Сыръ.

Наконецъ начали ему встрѣчаться по дорогѣ аулы такихъ-же киргизъ, только изъ другихъ родовъ и все народъ привѣтливый. Указывали ему дорогу, приглашали, какъ гостя, въ свои юрты и время отъ времени угощали даже бараниной и казы, сохранившимися отъ зимы (*).

Приключеніе со змѣями въ глазахъ всѣхъ встрѣчныхъ ставило погонщика на степень „баксы“ (колдуна) и никто не рѣшался украсть изъ стада его хотя-бы одного барана, а повѣствованія его объ этомъ чудѣ дѣлали его интереснымъ рассказчикомъ... Въ аулахъ онъ узналъ, что находится уже въ предѣлахъ Бухары, и что городъ не далеко; что бараны въ Бухарѣ, послѣ падежа во всей степи, дѣйствительно сильно вздорожали. А вотъ и сама благородная Бухара (Бохара-эль-шерифъ).

Гонить киргизъ барановъ по улицѣ, къ скотной площади, а къ нему все прибываетъ и прибываетъ народъ. Вопросы такъ и сыплются со всѣхъ сторонъ: зачѣмъ это онъ обвилъ рога козла змѣями?... А киргизъ, види, что обратилъ на себя вниманіе толпы и соображая, что не дурно воспользоваться этимъ и сбыть барановъ подороже, въ сотый разъ ведетъ рѣчь о чудѣ.

Вотъ наконецъ и площадь.

Погонщика окружили „жалданы“ (перекупщики) и богатые купцы. Кто торгуетъ барановъ, кто спрашиваетъ о змѣяхъ. Киргизъ не успѣваетъ даже отвѣчать на вопросы... Вдругъ толпа съ крикомъ: „О! Алла!“ кинулась во всѣ стороны отъ барановъ, спѣша укрыться кто на стѣнѣ, кто на плоской крышѣ духановъ...

Змѣи спокойно сползали съ роговъ козла на землю. Толпа не спускала съ нихъ глазъ. Вотъ онѣ рядомъ поползли по площади, выбираясь изъ подъ ногъ стоявшаго тамъ скота...

(*) „Казы“ копченое лошадиное мясо, обыкновенно приготовляемое киргизами въ прокъ, на зимнее время.

Вотъ онѣ показали на окраинѣ площади, и остановились, какъ-бы о чемъ-то раздумывая.. Наконецъ одна изъ нихъ, извивая свое тѣло, быстрыми движеніями поползла въ улицу, другая-же въ какой-то перѣшительно-сти, ползала по площади; вотъ и она направилась тоже въ улицу, по противоположную пути первой змѣи.

Въ толпѣ слышалось сдержанное: „о Алла!“ и она, раздѣлившись на двѣ кучи, перебираясь съ крыши на крышу, слѣдила за направлениемъ змѣй.

Первая змѣя направилась въ открытыя ворота медресе Миръ-Гарапъ. Тамъ, въ обширномъ дворѣ его, она поползла по галлерей, окружающей отдѣльныя komórки учащейся молодежи и юркнувъ въ одну изъ открытыхъ дверей, бросилась на сидѣвшаго за книгою Улу-хана... Мгновенно обвинившись вокругъ его тѣла, змѣя впиалась ему въ горло и Улу-ханъ, пораженный на смерть, повалился на полъ... Толпа, слѣдившая за этою змѣей, замерла въ ужасѣ, а когда она опомнилась, змѣи уже не было и куда она скрылась—никто не замѣтилъ. Точно также погибъ и Жала-батырь, пораженный второй змѣей въ медресе Кукалдашъ.

Вѣсть объ этомъ происшествіи, передаваясь изъ устъ въ уста, мигомъ облетѣла всю Бухару. Толпы любопытныхъ не покидали обширныхъ дворовъ медресе. Всѣ видѣли въ этомъ кару свыше... Самъ собою явился вопросъ: кто такіе погибшіе? Никто изъ окружающихъ не призналъ въ нихъ ни родственниковъ, ни знакомыхъ.

Долетѣлъ слухъ объ этомъ и до дворца эмира... Немедленно были потребованы къ повелителю главные муллы медресе. Явившись къ эмиру, они рассказали ему все, что знали о двухъ погибшихъ юношахъ и о судьбѣ столицы Жангитъ-хана, на берегахъ Сыра.

У бухарскаго эмира возникла мысль воспользоваться богатствами дворца; онъ отдалъ приказъ: вооружить десятитысячный отрядъ конныхъ воиновъ и подъ начальствомъ кушъ-беги отправиться въ Жангитъ-кентъ, чтобы забрать тамъ все цѣнное, оставшееся во дворцѣ послѣ гибели обитателей, а также вывезти въ Бухару съ базаровъ и изъ частныхъ домовъ, все что осталось не уничтоженнымъ

змѣями. Отрядъ былъ немедленно сформированъ и двинулся въ путь по указанію задержаннаго повелѣніемъ эмира, пришедшаго съ Сыра киргиза, который, къ слову сказать, весьма выгодно продалъ своихъ барановъ, а за рассказы свои былъ щедро награжденъ деньгами и халатами самимъ повелителемъ Бухары.

Теперь этотъ киргизъ не казался уже несчастнымъ, оборваннымъ погонщикомъ, а въ богатомъ красномъ халатѣ, на ворономъ аргамакѣ, съ набитымъ серебромъ и тиллями поясомъ,—важно разѣзжалъ по городу въ свитѣ кушъ-беги. Нерѣдко даже взмахивалъ онъ нагайкою, грозя толпѣ, и пролагалъ себѣ дорогу, расталкивая грудью своей лошади неуспѣвшихъ посторониться съ его пути пѣшихъ... Однимъ словомъ, знакомецъ нашъ находилъ, что Бухара недурной городъ, эмиръ—совсѣмъ хорошій человѣкъ, а онъ самъ, если и не акъ-суякъ (бѣлая кость, т. е. дворянинъ), то во всякомъ случаѣ писколько не ниже самаго кушъ-беги. И вотъ, вернется онъ въ Каракумы, ему будетъ что поразсказать своимъ сородичамъ.

Сколько времени шелъ отрядъ—неизвѣстно, но наконецъ онъ достигъ береговъ Сыра и остановился въ виду Жангитъ-кента. Кушъ-беги, собравъ вокругъ себя всѣхъ воиновъ, двинулся въ городъ. Люди разсыпались по городу и дворцу, забирая все, что попадалось подъ руку и не замѣтили въ горячкѣ грабежа, что змѣи со всѣхъ сторонъ громадными массами идутъ на нихъ. Вотъ онѣ, одна за другой, бросились на людей и снова началась та же картина истребленія всего живаго, какъ и при первомъ нашествіи змѣй. Нѣкоторымъ изъ воиновъ удалось на лошадяхъ выскакать за городъ; всѣ они стремились къ оставшемуся на берегу обозу, но опутанные змѣями, съ лошадьми вмѣстѣ, покрывали поле вокругъ города, валялись обезображенными, бездыханными трупами. Оставшіеся въ обозѣ, видя что товарищи ихъ погибаютъ такою ужасною смертію, бросили все, что находилось въ обозѣ, захватили только лучшихъ скакуновъ и въ паническомъ страхѣ, беспорядочною толпою поскакали въ обратный путь. Не давая отдыха ни себѣ, ни лошадямъ, они скакали трое сутокъ,

пока наконецъ не начали попадаться имъ изрѣдка разбросанныя юрты кочующихъ киргизъ, бывшихъ подданныхъ Жангитъ-хана. Тутъ только повѣдали они его злополучнымъ подданнымъ, какая участь постигла ихъ повелителя со всѣмъ населеніемъ столицы.

Киргизъ, бывшій погонщикъ барановъ, остававшійся въ обозѣ и втайнѣ рѣшившій улучшить удобное время, чтобы броситься въ Сыръ на своемъ аргамакѣ, переплыть его и скакать въ родныя Каракумы, со страха невольно вмѣшался въ общую толпу и тоже скакалъ обратно, въ Бухару. Наконецъ остатки воиновъ эмира достигли Бухары и донесли своему повелителю объ участи, постигшей его вѣрныхъ слугъ, съ кушъ-беги во главѣ.

Все это сильно поразило эмира, но не ослабило его страсти къ легкой наживѣ. Онъ подумалъ: „если Аллахъ послалъ змѣй, наказать грѣшный городъ, то онъ-же сдѣлаетъ ихъ безвредными для людей благочестивыхъ.“

Былъ созванъ совѣтъ изъ всѣхъ мудрыхъ людей ханства, на которомъ было рѣшено: отыскать въ ханствѣ такихъ муллъ, которые-бы съумѣли, словами заклинаній и молитвъ, обратитъ жангитъ-кентскихъ змѣй въ безвредныхъ тварей. Гошцы эмира поскакали во всѣ стороны, собрать всѣхъ муллъ ханства въ Бухару.

Вскорѣ муллы были собраны во дворецъ и самъ эмиръ объявилъ имъ, что они должны выбрать изъ среды своей нѣсколькихъ благочестивыхъ людей, которые-бы своею жизнью и познаніями корана были первыми, а главное—умѣли-бы заворозить змѣй. При этомъ эмиръ объявилъ мулламъ, что тотъ, кто заговоритъ змѣй, долженъ первымъ испытать силу своихъ молитвъ и заклинаній.

Девять сутокъ совѣщались муллы. Наконецъ двое престарѣлыхъ муллъ, извѣстные своею благочестивою жизнью, были избраны заклинателями. Снова собранъ былъ отрядъ въ 10 тысячъ человекъ, подъ начальствомъ новаго кушъ-беги, и захвативъ съ собою муллъ и жожака-киргиза, направился къ Сыру.

Достигнувъ береговъ рѣки, воины увидѣли, что все, брошенное ихъ товарищами въ обозѣ, оставалось нетронутымъ, а не захваченныя бѣжавшими вьючныя лошади мирно

паслись по береговымъ камышамъ. Это обстоятельство привело муллъ къ догадкѣ, что кругъ вреда, наносимаго змѣями, ограниченъ только однимъ городомъ и что они совершенно безопасно могутъ стоять вблизи Жангитъ-кента.

Цѣлыя дни и ночи благочестивые муллы, по-очередно и всѣ вмѣстѣ, выкликали слова молитвъ и заклинаній. Три мѣсяца жили воины на берегу Сыра. Наконецъ, въ одинъ изъ вечеровъ, муллы объявили кушъ-беги, что на другой день, съ восходомъ солнца одинъ изъ нихъ отправится въ городъ испытать силу своей молитвы надъ змѣями.

Ночь ожиданія всѣми была проведена въ страхѣ и тревогѣ. Утромъ мулла, которому надлежало совершить испытаніе, послѣ намаза и омовенія по всѣмъ правиламъ корана, одѣвшись въ чистую рубаху и повязавъ голову бѣлою чалмою, тихими шагами, творя заклинанія, направился въ городъ. Всѣ съ замираніемъ сердца смотрѣли на удаляющагося старика.

Долго пришлось воинамъ стоять въ тоскливомъ ожиданіи; наконецъ что-то бѣлое показалось на окраинѣ города, и вдругъ оглушительное: „о! Алла!“ пронеслось по берегу. Сѣдой старецъ мулла, здоровый и невредимый, медленно подходилъ къ воинамъ.

Совершивъ благодарственную молитву, онъ разсказалъ кушъ-беги, что теперь воины могутъ свободно идти въ городъ: змѣи для нихъ безопасны.

Удивленію, похвалами и поклоненію муллъ не было конца. Кушъ-беги объявилъ воинамъ, что съ наступленіемъ слѣдующаго дня всѣ они, совершивши молитву, съ муллою во главѣ, двинутся въ городъ.

Ночь эта была проведена бухарскими воинами еще тревожнѣе, чѣмъ предъидущая. Каждый думалъ о своихъ прегрѣшеніяхъ. Что безопасно благочестивому муллѣ, то грѣшнику могло быть гибелью.

Наконецъ наступило утро; намазъ былъ совершенъ и всѣ, съ блѣдными отъ страха лицами, направились въ городъ густою толпою, тѣсясь одинъ къ другому. Вотъ и городъ... Змѣи покрываютъ всѣ улицы и толпа невольно остановилась... Мулла произнесъ заклинаніе и вошелъ въ кругъ змѣй. Змѣи

не бросились въ разныя стороны, какъ обыкновенно это бываетъ съ ними, при приближеніи челоуѣка, а посторонились только, давъ муллаѣ дорогу. Воины послѣдовали за муллою; змѣи и имъ дали дорогу.

Этого было достаточно.

Страхъ миновалъ; всѣ разсыпались по урду и городу, отыскивая золото, серебро и цѣнныя вещи.

Вечеромъ къ обозу начали приносить изъ города всякое богатство и много его въ тотъ день снесено было на берегъ Сыра.

А знакомецъ нашъ, киргизъ, когда воины двинулись къ городу, не смотря на разбившую его охоту поживаться частичкой чужаго добра, взвѣсилъ въ умѣ всѣ свои прегрѣшенія и не вѣря въ силу молитвъ и заклинаній бухарскаго муллы, сѣлъ на своего воронаго аргамака, подѣхалъ къ береговому обрыву, оцупалъ поясъ, туго набитый бухарскими золотыми монетами, подтянулъ его покрѣпче и свиснувъ по прежнему, какъ бывало на барановъ, ударилъ воронаго аргамака нагайкою и бросился въ Сыръ. Черезъ полчаса онъ былъ уже на другомъ берегу и направлялъ своего скакуна по знакомой ему тропинкѣ, въ степь Каракумы...

Воины въ теченіи тридцати дней все уходили въ городъ, вынося оттуда разное имущество...

Такимъ-то образомъ были заговорены жанкентскія змѣи; послѣ этого все цѣнное имущество и деньги хана Жангита и купцовъ горожанъ было вывезено въ Бухару ⁽¹⁾...

Въ заключеніе считаю нужнымъ прибавить, что мѣстность, на которой стоятъ развалины Жанкента—дѣйствительно какое-то средоточіе змѣй; но эти змѣи на столько безопасны, что киргизы, со своими семьями, круглый годъ стоятъ тамъ аулами, тѣмъ болѣе, что въ окрестности Жанкента существуетъ много хлѣбопахатныхъ полей. Кромѣ того, нерѣдко какъ киргизамъ, такъ и русскимъ, добывающимъ изъ развалинъ древняго города жженный кирпичъ, случается находить среди мусора большіе клубы свившихся въ общую массу живыхъ змѣй. Случаевъ ужаленія этими змѣями никто не помнитъ, хотя между сыръ-дарьинскими змѣями и встрѣчаются ядовитыя.

Е. Александровъ.

Еще нѣсколько

словъ о Гератѣ.

Въ 14 № „Туркестанскихъ Вѣдомостей“ была помѣщена замѣтка о Гератѣ. Настоящія событія на Балканскомъ полуостровѣ временно заслонили собою афганскій вопросъ; но нѣтъ сомнѣнія, что онъ снова будетъ выдвинутъ, можетъ быть даже въ весьма непродолжительномъ времени. По этому мы полагаемъ, что намъ, туркестанцамъ, необходимо какъ можно ближе знакомиться со странами, которыя неминуемо будутъ когда нибудь ареною политической дѣятельности двухъ могущественныхъ европейскихъ государствъ: Россіи и Англіи. Для начала, мы предлагаемъ нѣсколько свѣдѣній о Гератѣ. Мы считаемъ это тѣмъ болѣе необходимымъ, что литература наша крайне бѣдна сочиненіями о Гератѣ; всѣ печатныя свѣдѣнія о немъ разбросаны, не сгруппированы. Въ послѣднее время, какъ въ русской, такъ и въ англійской литературѣ, намъ удалось почерпнуть нѣсколько свѣдѣній о „вратахъ Индіи“, и мы взяли на себя смѣлость сгруппировать ихъ, собрать въ одну связную картину и подѣлиться читателями „Туркестанскихъ Вѣдомостей“ добытыми этимъ путемъ свѣдѣніями.

Еще въ XIV вѣкѣ Гератъ былъ однимъ изъ цвѣтущихъ городовъ Средней Азіи. О его красотѣ и значеніи сохранилось даже и до нашего времени нѣсколько восточныхъ поговорокъ. «Когда тебя спросятъ, какой городъ первый въ мірѣ,» гласитъ одна поговорка, «то если не хочешь солгать, говори, что Гератъ!» Другая пословица говоритъ: «Хороссанъ — жемчужная раковина всего міра, а Гератъ — его жемчужина».

Гератъ—предверіе Индіи; всѣ завоеватели этой страны (кромѣ англичанъ) вступали въ Индію его вратами. Гератъ также